

11. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга). Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2005. С. 93–101.
12. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 15–24.
13. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. 308 с.
14. Мосин В.С., Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология раннего неолита Зауралья: пространственный аспект // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 97–107.
15. Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–48.
16. Шорина А.А. Стратиграфическое распределение неолитических керамических комплексов Юрьинского поселения (по материалам объекта 21) // IV Северный археологический конгресс: мат-лы. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 110–112.
17. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук, 2005. 312 с.
18. Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: учебное пособие к спецкурсу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 92 с.
19. Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1997. 131 с.
20. Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 160 с.

NEOLITHIC COMPLEXES OF THE KOKSHAROVSKY HILL: GENESIS, STAGES OF DEVELOPMENT AND CULTURAL CONTINUITY

© 2019

Shorin Alexander Fedorovich, doctor of historical sciences, chief researcher of Stone Age Archeology Sector
Shorina Anastasia Alexandrovna, junior researcher of Stone Age Archeology Sector
*Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
 (Ekaterinburg, Russian Federation)*

Abstract. The paper is devoted to the problems of evolution and cultural continuity of the Neolithic complexes of archaeological site «Koksharov Hill – Yurynskoye settlement». The basis for solving these problems is the presence of all types of Neolithic ceramics from the Trans-Ural region in the cultural strata of this complex: Koshkinskaya, Koksharovsko-Yuryinskaya (Kozlovskaya), Poludenskaya, Basyanovskaya (Boborykinskaya). Each of them has a reliable time reference, based on both stratigraphic observations and a solid base of radiocarbon dates including 54 received dates. The beginning of the Neolithic epoch on the monument is connected with the formation of the complexes of the Koshkinskaya archaeological culture no later than the third – the last quarter of the 7th millennium BC. At the same time, not later than the very beginning of the 6th millennium BC, complexes of the Koksharovsko-Yuryinskaya archaeological culture appeared. The indented strokes technique of ornamentation dominates in the design of ceramic ware of these cultures. But in the ornamentation of the vessels of the Koksharovsko-Yuryinskaya culture there are more features that go back to the local Mesolithic basis. A distinctive feature of both cultures is the presence of vessels with relief to stick. The population of these cultures existed, often in the framework of exogamous groups, during the early stage of the Neolithic region, before the 6th–5th, and even the first quarter of the 5th millennium BC, when they were re-registered in the Late Neolithic Poludenskaya and Basyanovskaya. Radiocarbon dates obtained from fragments of ceramics of the Ayatskaya culture, which fit into the interval of the third – last quarter of the 5th millennium BC, mark the beginning of the Eneolithic epoch on the monument.

Keywords: Neolithic; Middle Trans-Urals; ceramic production; typology; ornamentation; ceramic tradition; cult complexes; Koshkinsky culture; Koksharovsko-Yuryinskaya (Kozlovskaya) culture; Poludenskaya culture; Basyanovsky type of Boborykinskaya culture; genesis; cultural continuity.

УДК 94 (47).08

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12224

Статья поступила в редакцию 27.12.2018

РОЛЬ ТАТАР СЕИТОВСКОГО ПОСАДА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

© 2019

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
 заведующий кафедрой истории России
Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье проанализирована роль татар Сеитовского посада в формировании и развитии Оренбургского края с момента его основания и вплоть до начала XIX века. Показаны причины учреждения Сеитовского посада (Татарской Каргалы) близ Оренбурга еще до официального учреждения Оренбургской губернии. Автор рассмотрел переселенческий процесс, привлечший татар из Казанской губернии в Оренбургский край. Представлены данные переписей, свидетельствующие о последовательном росте численности та-

тар среди населения Оренбургской губернии. В статье показаны традиционно присущие татарским купцам особенности менталитета, способствующие эффективной реализации торговых проектов. Приведены свидетельства современников, отмечавших эти особенности. Отмечены привилегии, предоставленные государством жителям Сеитовского посада. Дано объяснение причинам, которые привели к наделению именно татарских жителей Оренбургской губернии рядом льгот. Показаны случаи сознательного переселения купцов из Оренбурга в Сеитовский посад с целью поддержания собственных коммерческих проектов. Автор отмечает конкретные исторические примеры, свидетельствующие о существовании в рамках государственной политики интеграции окраин в единое социокультурное пространство Российской империи особого татарского фактора, который имел важное значение как для стабилизации экономического положения Российской империи на юго-восточных окраинах, так и для аккультурации кочевого казахского населения.

Ключевые слова: Оренбургский край; Российская империя; татары; Сеитовский посад; Оренбург; торговля; аккультурация; казахи; интеграция; окраины; Казахская степь; купечество; национальные меньшинства; Оренбургская экспедиция; Татарская Каргала; ислам; губернаторы; торговые татары; азиатские купцы.

Современные исследователи, обращаясь к истории интеграции регионов в состав Российской империи, чаще всего рассматривают его механизмы сквозь призму русской аккультурации, которая до сих пор испытывает бремя пресловутой «русификации», «христианизации». Если в досоветской историографии данные постулаты подтверждали ленинское определение о Российской империи как о «тюрьме народов», то сегодня национальная историография подчас «педальрует» их, стараясь доказать однозначно негативный характер имперской политики, которая замедляла, а то и вовсе «перекрывала кислород» этносу, имевшему огромный цивилизационный потенциал.

Однако, вслед за А. Ремнёвым, мы склонны считать, что «военное и политическое господство на той или иной окраине империи не означало автоматически установления экономического и культурного... Российский имперский проект мог столкнуться с конкурирующими воздействиями разных конфессиональных, этнических и национальных групп...» [1, с. 7].

Со всей определенностью к деятельности татар в казахской степи можно отнести тезис А. Миллера о том, что они, татары, выступали «более мощными конкурентами», разрабатывающими альтернативные проекты ассимиляции и культурной экспансии некоторых этнических групп [2, с. 60].

Уже с самых первых шагов основания Оренбургского края, в рамках Оренбургской экспедиции 1734–1744 гг. под началом И.К. Кириллова, В.Н. Татищева, В.А. Урусова, И.Н. Неплюева, был дан толчок переселенческой волне, в результате чего в Оренбургском крае стало формироваться татарское население. Особо выпукло эта страница истории края выступает на примере образования уникального населенного пункта – Татарской Каргалы (Сеитовского посада).

История основания Татарской Каргалы неразрывно связана с освоением и укреплением Оренбургского края. Отдаленность региона, с одной стороны, и его важность для Российской империи, с другой стороны, определили инициативы по заселению региона. Край нуждался как в землепахцах, в мастеровых людях, так и в людях торговых – в купцах. Известно, что были проекты принудительного характера: в 1740 г. начальник Оренбургской комиссии князь В.А. Урусов вышел с предложением к Кабинету министров Анны Иоанновны насильно переводить купцов на место жительства в осваиваемый край из центральной части Европейской России. Этот проект не был поддержан. Преемник В.А. Урусова И.И. Неплюев предложил более конструктив-

ный выход: сделать так, чтобы купцам было выгодно селиться в Оренбургском крае, дать им оговоренные льготы. Поскольку торговля предполагала налаживание контактов с купцами Востока, а также с Казахской степью, особое значение придавалось купцам-мусульманам.

Известно, что И.И. Неплюев дал поручение своему представителю в Казани прозондировать почву на предмет того, при каких условиях тамошние купцы рискнут переселиться в Оренбургский край. Замысел удался. У И.И. Неплюева имелись веские основания для того, чтобы ходатайствовать перед Центром о льготах для татарских поселенцев. В докладе, подготовленном И.И. Неплюевым 25 февраля 1744 г., говорилось о том, что к нему обратилась группа казанских татар с просьбой разрешить им поселиться возле города Оренбурга для «распространения торгов». Поскольку место проживания отличалось «отдаленностью», то татары просили освободить их от рекрутской повинности и дозволить постройку мечети. Доклад И.И. Неплюева был довольно скоро (2 марта) заслушан на заседании Правительствующего Сената и одобрительно принят. И уже 13 марта 1744 г. был дан Указ, разрешавший набрать к поселению при городе Оренбурге особой слободой до 200 семей казанских татар, при этом «смотреть, чтобы принимались люди зажиточные и торги производить могут» [3, с. 13].

В начале осени 1744 г. с целью постоянного поселения в край прибыл ясачный татарин Казанского уезда, Арской дороги, сотни Мусмома Кушумова, деревни Маметова пустошь Сеит Аитов сын Хаялин (1695–1763/1764) [4, л. 17–18 об.].

Новое поселение – Сеитовский посад, или Сеитовская слобода – быстро наполнялся вновь прибывшими. В 1747 г. в нем было 173 двора и 996 человек мужского пола (973 татарина и 23 «малолетних башкирина») [5, с. 171]. Большинство переехало из Казанской губернии (98,9%). В разрезе по уездам картина была следующей: из Казанского уезда – 73,6%, из Слободского – 17,9%, из Свияжского – 4,8%, из Симбирского – 2,6% [4, л. 17–18 об.].

В целом переселение татар в Оренбургский край, начавшись в 40-е годы XVIII века, продолжалось вплоть до конца XIX века. По данным II ревизии (1747 г.), только в Оренбургском уезде насчитывалось 9,2 тыс. татар и мишарей, по III-й (1762 год) – 12,5; IV-й – (1782 г.) – 13,8; V-й (1795 г.) – 14,6; VIII (1834 г.) – 25,7; X (1858 г.) – 46,8. Первая всероссийская перепись 1897 года зафиксировала 71,1 тыс. человек [6, с. 9]. Всего же по данным той же переписи в Оренбургской губернии проживало 92 326 человек татарской национальности [7, с. 45].

Основной специализацией жителей Сеитовского посада была коммерция. Причин активной занятости коммерцией и торговлей у представителей данного поселения было несколько. Первое – это то, что каргалинские купцы изначально имели особые права по Привилегии, которую даровала императрица Анна Иоанновна в 1734 г. «Привилегия» обеспечивала следующие льготы: в Оренбурге ни с каких товаров пошлины не взимались, следовательно, с купцов также. В этом же документе было прописано «...купцов в особое защищение и охранение принимать» [8, с. 12].

Указанная категория «торговых татар» получала свою долю прибыли от действия льготной пошлины (3% от стоимости товара против 5% по Торговому уставу), которую взимали с т.н. «азиатских купцов». Эта правовая норма отрицательно влияла на активность среднеазиатских купцов, давая преимущество татарам.

Немаловажной причиной является то, что занятия коммерцией не противоречило исламскому менталитету. Коран и мусульманское право (шариат) допускали и прибыль, и право на собственность, а успехи в коммерции рассматривались как дар, ниспосланный свыше.

Российские наблюдатели издавна подмечали наличие у «торговых татар» коммерческой жилки. Русский этнограф, историк и экономист, член отделения этнографии Императорского Русского географического общества Павел Иванович Небольсин писал в 1859 г. о том, что «татарину» свойственно «жить своим умом». Заработав определенный капитал – заработав «наличную деньгу», он «немедленно переводит ее в товар и пускается в торг», «татарин» не довольствуется одной территорией, он «расширяет сферу своей деятельности далее и далее, оставляет Казань, и с нашего разных товаров пробирается...далее на Восток, в Оренбург, Петропавловск, Семипалатинск или Кяхту... Киргизская Степь, Бухара, Ташкент и другие среднеазиатские ханства – вот куда...он сбудет товары» [9, с. 25]. Не во всем можно согласиться с высказываниями В.И. Даля, поскольку явно субъективная оценка была дана «мусульманам», но даже она говорит о предприимчивости «торговых татар»: «Заметно еще и то, что русские вовсе не ходят с караванами в Среднюю Азию, – отмечал В.И. Даль. – Торговля эта принадлежит исключительно бестолковым и безмерно корыстолюбивым мусульманам. Русский изворотлив, сметлив, предприимчив у себя дома, но караванная и морская торговля – не его» [10, с. 91].

Русский писатель, историк, географ, художник, первый издатель журнала «Отечественные записки» Павел Петрович Свиньин, побывав в 1824 г. в Оренбургском крае, отметил любопытные для себя особенности: «Более всех замечательны в Оренбурге татары, составляющие особый и значительный класс обывателей. Будучи хитры, пронырливы и проворны, они отличаются удивительной ловкостью в здешней торговле и нередко приобретают посредством оной великие капиталы» [11, с. 19].

Дореволюционные авторы неоднократно отмечали предприимчивость представителей татарского этноса. К. Кьон, описывая особенности народов, населявших Российскую империю, замечал, что взяв любого татарина, у кого имеется хоть самый малый капитал, увидишь его старание в том, чтобы «онный ка-

питал» «эксплуатировался», «татарин обращает деньги в товар и занимается или разностной торговлей или извозным промыслом» [12, с. 98]. Те же авторы делали упор на то, что татары обладали общим высоким уровнем трудолюбия: в большинстве своем «...охотно берутся за всякую работу, как бы она тяжела ни была» [13, с. 5].

Немаловажной причиной активности Каргалинского купечества была поддержка их торговыми странами Средней Азии. А для обеспечения этого процесса сеитовским купцам, как, впрочем, и всем оренбургским, нужно было заручиться союзничеством с Казахской степью. Официально казахи Младшего жуза еще в 1731 г. по инициативе хана Абулхаира вошли в российское подданство. Однако это не было панацеей от набегов кочевников.

Над проблемой трудились вместе с губернатором И.И. Неплюевым выходцы из Сеитовского посада. Мы говорим о Мухамет-хане Хусаинове, который получил в Каргале мусульманское образование и благодаря ему вошел в Ханский Совет Абулхаира. Соратником И.И. Неплюева можно считать Котлымухамета Маметовича, больше известного под именем Алексея Ивановича Тевкелева. Он некоторое время жил в Сеитовском посаде, женился на уроженке посада Хадиче. Много стараний для мирных отношений в регионе проявили мугаллимы и мударрисы сеитовских мусульманских школ, которые приняли казахских юношей на обучение в свои медресе и мектебе. Каргалинские мусульманские учебные заведения дали духовное и светское образование более 700 казахских юношам. Все это способствовало установлению добрососедских отношений.

При этом сеитовские «торговые татары» выступали конкурентами по отношению к русским купцам. В их руках сосредоточилась торговля кожей, причем особой выделки – это была юфть и сафьян. Они были чрезвычайно востребованным товаром у покупателей как с Востока, так и с Запада. Чуть впереди по торговым оборотам стояли торговцы текстилем – переяславские и ростовские купцы. Проблема была настолько серьезной, что была поднята депутатом организованной Екатериной II Уложенной комиссии 1767 г. от оренбургского купечества Ильей Коченевым. Вот что он вынес на общее собрание: «... татары, приобретаая ... европейские товары, как то: кармазинные, полукармазинные, голландские и других сортов сукна, шелковые материи, краски, канцелярное семя и прочее, покупают их на немалую сумму и привозят в разные города, а особливо на Оренбургскую и Троицкую ярманки. По значительным ... свои капиталам, они занимают при гостинном и меновом дворах лучшие и со въезда азиатских народов у ворот первые лавки... русские купцы в те первые ряды не допускаются, а...иноверцы, будучи удовлетворены ... сбывают товары с немалым успехом и с большою выгодой, потому, что татары при каждой лавке имеют иноверцев же человека по два и по три, и они, по въезде азиатцев, удерживают...и уже не допускают к другим вновь. Через это оренбургския и приезжая русские купцы ... претерпевают крайнюю остановку в продаже своих товаров и совершенный подрыв» [14, с. 77–78].

Доходило до того, что некоторые купцы, выбрав первоначально для своего поселения Оренбург, осмыслив ситуацию, перебирались в Сеитову слободу, поскольку ее жители пользовались значительными

экономическими и религиозными преимуществами. Так, ревизские сказки 1795 г. сообщают о том, что четыре семьи, переписанные ранее к оренбургскому купечеству, «переписались» в сеитовские торговые татары [15, с. 82].

По подсчетам Д.Н. Денисова, из 248 российских подданных, арендовавших в 1799 г. на Менювом дворе под Оренбургом лавки и складские помещения, 162 человека были этническими татарами, что составляло 65,3%. Из числа татарских купцов 100 человек были каргаляцами, 23 – казанскими татарами, 11 – касимовскими, 6 – оренбургскими, 3 – умильскими, 2 – мамадышскими татарами [14, с. 78].

Согласно данным 7-й переписи, которая проводилась в 1816 г., в Сеитовском посаде проживало 1090 человек купеческого сословия с капиталом 230 тыс. руб., из них купцов 3-й гильдии было 477 человек с капиталом 68 тыс. руб. [16, л. 90–92]. Помимо тех, кто обозначил свой капитал во время переписи, были в посаде и такие, которые не хотели, чтобы об их богатстве было широко известно. Они не спешили записываться в гильдии. В народе их называли «кара байлар». Ходили слухи о том, что многие из «кара байларов» по своим капиталам могли с легкостью претендовать на 2-ю гильдию.

Таким образом, в лице татарского населения Сеитовского посада Оренбургский край с момента своего основания имел мощный механизм налаживания торговых связей с мусульманским Востоком и аккумуляционного влияния на казахских кочевников.

Список литературы:

1. Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4 (34). С. 5–31.
2. Миллер А.И. История Романовых и национализм. Эссе по методам исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 205 с.
3. Денисов Д.Н. Основание Татарской Каргалы // Из истории татар Оренбуржья (280 лет Татарской

Каргалы): сб. материалов обл. науч.-практ. конф. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. С. 13–14.

4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 483.

5. Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана: в 2 т. Т. 1 / сост. Р.Р. Салихов и др. Казань: Яналиф, 2001. 340 с.

6. Зобов Ю.С. Начальный этап формирования татарского населения Оренбуржья (40-е – 50-е годы XVIII в.) // Татары в Оренбургском крае: тез. докл. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1996. С. 9–11.

7. Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи. 1897 год. Уфимская губерния. Тетрадь 1, 2 / под ред. Н. Тройницкого. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. XLV. 256 с.

8. Любовь и Восток: сб. эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. М., 1994. 570 с.

9. Небольсин П. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб.: Типография И. Глазунова, 1859. 254 с.

10. Даль В.И. Бикей и Мауляна // Даль В.И. Повести и рассказы. Уфа: Китап, 1981. С. 88–99.

11. Свиньин П.П. Картина Оренбурга и его окрестностей // Отечественные записки. 1828. Ч. 35. № 99. С. 4–36.

12. Кьон К. Народы России. СПб.: Типография И. Глазунова, 1888. 370 с.

13. Пуцковский Ф.Ф. Татары. Чтения для народа. СПб.: Изд-во П.В. Луковникова, 1900. 16 с.

14. Денисов Д.Н. Участие татар в Оренбургской пограничной торговле во второй половине XVIII в. // Оренбург вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт: мат-лы и тез. всерос. науч.-практ. конф., посв. 260-летию Оренбурга. Оренбург, 2003. С. 77–79.

15. Апполова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М.: Наука, 1960. 230 с.

16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12356.

THE ROLE OF THE SEITOV POSAD TATARS IN THE DEVELOPMENT OF THE ORENBURG REGION

© 2019

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, doctor of historical sciences, professor,
head of History of Russia Department

Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The paper analyzes the role of the Seitov Posad Tatars in the development of the Orenburg Region from the moment of its foundation until the beginning of the 19th century. The reasons for the establishment of the Seitov Posad (Tatar Kargaly) near Orenburg even before the official establishment of the Orenburg province are shown. The author reviewed the resettlement process that attracted Tatars from Kazan province to the Orenburg Region. The census data are presented, indicating a consistent increase in the number of Tatars among the population of the Orenburg province. The paper shows some peculiarities of the mentality traditionally inherent to Tatar merchants, contributing to the effective implementation of trade projects. The privileges granted by the state to the residents of the Seitov Posad are noted. An explanation of the reasons that led to the endowment of the Tatar residents of the Orenburg province with a number of benefits is given. Cases of the conscious relocation of merchants from Orenburg to Seitov Posad for the purpose of supporting their own commercial projects are shown. The author notes specific historical examples that indicate the existence within the framework of state policy of integration of suburbs into a single socio-cultural space of the Russian empire of a special Tatar factor, which was important both for stabilizing the economic position of the Russian empire in the south-eastern suburbs and for acculturation of the nomadic Kazakh population.

Keywords: Orenburg Region; Russian Empire; Tatars; Seitov Posad; Orenburg; trade; acculturation; Kazakhs; integration; margins; Kazakh steppe; merchants; national minorities; Orenburg Expedition; Tatar Kargala; Islam; governors; trade Tatars; Asian merchants.